

Михаил Иванович Зибров

(Санкт-Петербургский государственный университет)

К анализу результатов Выборгского сражения

Русско-шведская война 1788–1790 гг. закончилась подписанием 3(14) августа 1790 г. на мызе Вереля в районе современного города Коуволла мирного договора между Шведским королевством и Российской империей.

Война началась с фарса Густава III перед его кузиной, российской императрицей Екатериной II, проходила в виде грандиозного спектакля, где главным героем был Густав III, и закончилась практически ничем. Единственное, чего добился Густав, так это полного невмешательства русских дипломатов в отношения между королем и оппозицией. В Вереле он устроил грандиозный праздник по поводу подписания мирного договора. И Екатерина была рада покончить с этой ненужной России войной. «Одну лапу мы из грязи вытащили, как вытащим и другую, то пропоем Аллилуя»,¹ — написала она 9 августа 1790 г. Потемкину в Турецкую армию, а в другом письме приводит даже интимные детали: «Ты пишешь, что спокойно спишь с тех пор, что сведал о мире со шведами, на сие тебе скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли от самого 1787 года, а в сии три недели начали узки становиться, так что скоро паки прибавить должно будет меру. Я же гораздо веселее становлюсь»².

Несмотря на то, что война была какой-то ненастоящей, театрализованной, жертвы были настоящие и драматизм событий не шуточный. Из всех событий особое место занимает блокада русскими

кораблями объединенного шведского флота в Выборгском заливе, завершившаяся беспрецедентным прорывом и преследованием его. По сути это очень краткий эпизод, всего несколько дней июня 1790 г., но насыщенность событиями очень велика. Традиционно в отечественной литературе его называют Выборгским сражением.

Грандиозное противостояние двух флотов в Выборгском заливе закончилось тяжелым поражением шведского флота. В результате прорыва и последующего бегства уничтожено или взято в плен от 7 до 9 линейных кораблей, 2 или 3 фрегата и много мелких гребных судов; убитых и утонувших до 3000 человек и взято в плен около 5000. Потери русского флота значительно меньше: одно судно (у отечественных авторов почему-то не учитывается), 117 человек убитыми и 164 ранеными³.

Сравнительный анализ шведских и русских источников выявил несоответствие в потерях. Так, например, в русских источниках не упоминается линейный корабль *Dygden* 2-го дивизиона шведского корабельного флота, судьба которого неизвестна. Нет полной ясности и в обстоятельствах пленения яхты *Lovisa Ulrika*, которая затем была подарена императрицей адмиралу Чичагову⁴.

Однако, несмотря на такую разницу в числе потерь, Выборгский прорыв, хотя и стоил шведам очень дорого, все же явился для русских серьезным стратегическим поражением: упущена возможность уничтожить шведский флот и одним ударом окончить войну. Выгодное положение русского флота, блокирующего шведов в заливе, безусловно, не было использовано. Потери шведского флота должны быть значительно больше. С этим согласны современники событий и последующие исследователи. «Из всех громадных надежд и данных в нашу пользу, ожидавшихся не только одними нами, но и самими шведами, потеря шведов, из всего многочисленного их флота, слишком из 300 судов, потеря совершенно случайная, состоящая только из 7 линейных и несколько малых судов, севших на мель или сгоревших от собственной неосторожности шведов, была потеря ничтожная»⁵.

Даже А. С. Шишков, непосредственный участник событий и единомышленник адмирала В. Я. Чичагова, будущий министр просвещения, в своих записках отмечает: «Он (шведский флот. — М. З.) должен был лишиться главной своей части, или, по меньшей мере, половины всех своих судов»⁶.

Причины, на мой взгляд, кроются в отсутствии единого руководства российскими вооруженными силами, а также в амбициозности российских адмиралов и генералов, поощряемой Ее Величест-

вом. Так, императрица Екатерина II, наделив принца Нассау Зигена особыми полномочиями, сделала главное звено всей операции — шхерную флотилию, руководимую им, не управляемой ни командующим флотом, ни командующим сухопутными войсками. Непредсказуемость принца сыграла роковую роль и в начале прорыва, и во время погони. Его несогласованное с Чичаговым решение о преследовании шведских кораблей привело к тому, что до Гогланда дошло не более четверти всей гребной флотилии (2 корабля, 5 фрегатов и 23 прочих судов), да и то с опозданием примерно на 5 часов. Шведский флот к тому времени уже зашел в свеаборгские шхеры, а большая часть тихоходных гребных судов плелась за своим главнокомандующим в назначенном порядке, не обращая внимания на неприятельские галеры, спешно скрывающиеся в шхерах.

Между командующими флотом адмиралом В. Я. Чичаговым и генералом сухопутных войск И. П. Салтыковым также постоянная несогласованность. Это касается, в частности, вопроса об установке батареи на мысе Крюсерорт (ныне Крестовый). В конце концов Чичагову удалось убедить «матушку Императрицу» и она отменила свое указание на этот счет (что сыграло во время прорыва на руку шведам).

Такого рода проблем в шведском флоте в рассматриваемой операции не было. Всеми силами руководит король Густав III, он лично командует шхерным флотом, пересаживаясь с одного судна на другое и подбадривая экипажи. Корабельный флот формально под управлением его младшего брата герцога Сюдерманландского, но действия его также жестко контролируются королем.

Для выявления объективной картины автор обратился к шканечным журналам⁷ российских кораблей, участвовавших в сражении, которые до сих пор бережно хранятся в центральном военно-морском архиве. Сухая скоропись XVIII в. позволяет восстановить отдельные эпизоды, дать объективную оценку действиям адмиралов.

Решение о прорыве принимается Густавом, по всей видимости, накануне, а сами действия начались с рассветом 22 июня. Толчком явилась атака подошедшей из Кронштадта гребной флотилии принца Нассау Зигена. Справедливо также мнение, что шведы ждали восточный ветер для начала прорыва. Согласно шканечным журналам, 21 июня с 21.00 начал дуть тихий ветер восточных румбов. (Здесь и далее отсчеты времени показаны в привычном для нас виде.)

Хронологию событий в Выборгском заливе удалось установить путем тщательного анализа шканечных журналов адмиральского корабля «Ростислав», кораблей «Саратов» и «Двенадцать Апостолов» из состава главной линии флота, корабля «Не тронь меня» из

отряда Повалишина, корабля «Венус» из отдельной эскадры Крона, а также кораблей «Сысой Великий» и «Иоанн Богослов», приданных флотилии принца Нассау Зигена⁸.

Итак, 21 июня, примерно в 23.30, началось жестокое сражение гребных флотилий в проливе Бьёрк-зунд. В первые же минуты боя взорвалась и пошла ко дну со всем экипажем шхуна «Слон». Под напором русских канонерских лодок 22 июня в 00.30 шведские гребные суда начали отступать за остров Равица. Однако активное сопротивление шведов в проливе продолжалось до 3.00. После этого началось бегство шведских галер за мыс Пейсари (ныне Вепревский) к своему флоту. Флотилия же принца Нассау Зигена с этого момента утратила инициативу. До 6.00 они еще преследовали неприятеля, а затем за кирхой Койвисто (ныне г. Приморск) встали на якорь. В это время начинаются события непосредственно в заливе. Шведские гребные суда, вышедшие из Бьёрк-зунда, концентрируются за линией своего флота. В пятом часу на многих кораблях слышали пушечный выстрел со шведского адмиральского корабля: по всей видимости, это был сигнал Густава III к началу прорыва. Сразу же начался отвлекающий обстрел наших кораблей в восточном проходе (в районе о. Рондо). Одновременно (около 5 часов) стали сниматься с якоря шведские корабли в районе мыса Крюсерорт. На корабле «Не тронь меня» ударили барабанную тревогу, так как стало очевидно, что шведы готовятся к прорыву северным фарватером. В это время адмирал Чичагов отдает первые сигналы флоту: «Лечь на шпринги» и «Приготовиться к бою». Далее сигналы следуют один за другим.

Многие исследователи считают, что распоряжения адмирала были не адекватны обстановке, а некоторые даже абсурдны. Тщательное изучение хронологии событий по шканечным журналам позволяет скорректировать это мнение. Сигналы в парусном флоте подавались флагами расцветивания и сопровождались пушечными выстрелами, а также зачастую дублировались посыльными шлюпками с офицерами. Во время Выборгского сражения многие сигналы или вовсе не принимались на подчиненных кораблях, или принимались неверно, а дублировать их возможности не было. Сказывалась также растянута линия российских кораблей. Так, удаленные эскадры (например, Крона) действовали практически автономно, а эскадры Повалишина и Ханькова просто были окутаны дымом. Таким образом, в командах и их исполнении наблюдается путаница, и главные силы в сражении с прорывающимся шведским флотом не участвовали. Из анализа хронологии прорыва по шканечным журналам следует, что в общем задержка в действиях наших главных сил составила

примерно один час. Это и позволило шведам избежать значительных потерь.

Если подвести итог прорыва, можно сказать, что со шведским флотом сражался только отряд контр-адмирала Повалишина, т. е. пять наиболее слабых кораблей и корабль «Константин», успевший подойти с левого фланга главных сил, в то время как 24 наиболее сильных корабля (и среди них все стопушечные) в сражении не участвовали. Чичагов устами А. С. Шишкова⁹ обвиняет в медлительности Мусина-Пушкина. Он говорит, что адмирал якобы приказал ему рубить концы и следовать к отряду Повалишина, а тот стал медленно выбирать якоря, а затем обходить мели. Однако из шканечных журналов мы видим, что такая команда через посланного офицера адресовалась только двум кораблям, а остальным предписано быть в готовности вступить под паруса. Эта команда выполнена, правда, может быть, не достаточно быстро. (В условиях окружавших этот отряд мелей совершать такие маневры довольно сложно.) Поэтому корабль «Двенадцать Апостолов» не успел прийти на помощь отряду Повалишина. Но надо сказать, что и «Константин» ничего не смог сделать полезного, а только сам пострадал.

Шведские исследователи также критикуют действия адмирала Чичагова: «Без сомнения, весь уцелевший шведский флот обязан своим спасением той странной нерешительности, с которой русский адмирал вступал под паруса чтобы идти и становиться у него на пути. Многие хотели уверить, что он был от нас подкуплен для того, чтобы не делать нападения. Но это мнение голословно и не имеет никакого основания. Во всяком случае трудно было бы объяснить причины такой медлительности и нерешительности русского адмирала»¹⁰.

Однако российский главнокомандующий с главными силами флота, видимо, какое-то время действительно должен был оставаться на месте, так как шведские корабли могли пройти большим южным проходом. Поэтому кордебаталия (центральный отряд под руководством самого адмирала) отдает паруса и рубит канаты только в 9.30, а в этот момент уже последние корабли шведов проходят к мысу Крюсерорт.

В результате прорыва, если не считать кораблей, севших на мель и сгоревших из-за неосторожных действий с брандером, все шведские корабли прошли без потерь. У Шишкова читаем: «Прохождение кораблей было столь отважное и не менее того искусное: они шли под одними марселями, имея все прочие паруса для сбережения их закрепленными, но приготовленными так, чтобы в одно мгновение можно было распустить их. Весь экипаж был внизу в подводной час-

ти корабля. Наверху ставились одни офицеры с малым числом матросов. Лежа носом к отряду, они не могли палить по русскому отряду, кроме двух носовых пушек. Таким образом, осыпаемые ядрами по крайней мере из полутораоста орудий, они не потерпели урона»¹¹.

За прорывом последовал этап преследования шведского флота. Однако мореходные качества наших кораблей, изготовленных из сырого леса, не выдерживали никакой критики, поэтому шансов догнать шведские корабли заведомо было мало. Так оно и получилось: во время преследования было захвачено только два шведских корабля: «Sofia Magdalena» и «Rattvisan», которые были сильно повреждены во время прорыва.

С другой стороны, у русских были все шансы уничтожить огромный шведский галерный флот, который во время преследования российские корабли успешно обогнали. А шведские гребные суда, растянувшись на 10 миль, мирно двигались практически тем же курсом «в расстоянии двух пушечных выстрелов». К сожалению, причины все в той же несогласованности. Адмирал Чичагов полагал, по свидетельству А. С. Шишкова, что шведскими галерами займется флотилия принца Нассау Зигена¹². Тем более что они стали скрываться в шхерах, а там большим кораблям делать нечего. Кроме того, оставить без преследования шведские линейные корабли он не мог.

О неадекватных действиях главнокомандующего нашей гребной флотилией уже говорилось выше, а вот какое участие в сражении принимала Выборгская флотилия вице-адмирала Козлянинова, состоящая из 52 судов, остается неясным. Из шканечного журнала корабля «Ростислав» явствует, что в начале 8-го часа, т. е. еще до момента начала прорыва, замечено, что во флотилии вице-адмирала Козлянинова отданы паруса. В это же время адмирал Чичагов подает ему сигнал при пушечном выстреле «сняться с якоря». О последующих действиях Выборгской флотилии никакой информации не имеется. Это тема будущих исследований. Кстати, за «победу» в Выборгском сражении вице-адмирал Козлянинов единственный из высшего командования не получил никакой награды.

Автором сделана лишь попытка реконструкции хода Выборгского сражения и роли в нем отдельных участников. В процессе работы проанализированы имеющиеся на сегодняшний день немногочисленные сочинения по данному вопросу. В них выявлена масса несоответствий и противоречий. Кроме того, отдельные эпизоды сражения освещены недостаточно. Указанные обстоятельства позволили авторам этих сочинений сделать неадекватные выводы о роли известных адмиралов в рассматриваемых событиях. А на основе необъективных трактовок необоснованно принижается роль одних и

объективных трактовок необоснованно принижается роль одних и возвеличивается значение других.

Таким образом, реконструкция насыщенного событиями Выборгского сражения еще далека от завершения и требует дальнейших исследований (в том числе по шведским архивам). Актуальность данного вопроса на сегодняшний день обусловлена продолжающимся подъемом отдельных фрагментов шведских кораблей со дна Финского залива. Идентификация поднятых находок проводится без тщательного анализа исторических документов и может привести к утрате их научной ценности.

¹ Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка. 1769–1791. М., 1997. С. 426.

² Там же. С. 430.

³ Скрыгин С. А. Военно-морские действия русского флота сто лет назад в 1790 году. СПб., 1890. С. 27.

⁴ Архив РГА ВМФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 157. Л. 217.

⁵ Головачев В. Ф. Действия русского флота во время войны со шведами в 1788–1790 годах (из публичных лекций) // Морской сборник. 1873. № 12. С. 59–60.

⁶ Военные действия российского флота против шведского в 1788/89 и 1890 годах, почерпнутые из дневных записок адмирала Чичагова / Сост. А. С. Шишков. СПб., 1826. С. 219–220.

⁷ Шканечный журнал — официальный документ на кораблях Российского парусного флота для записи в хронологической последовательности всех основных событий, связанных с боевой и повседневной деятельностью корабля.

⁸ Архив РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1876 а, 1891, 1894, 1895а, 1908; Ф. 200. Оп. 1. Д. 356.

⁹ Военные действия российского флота против шведского... С. 219–220.

¹⁰ Головачев В. Ф. Действия русского флота во время войны со шведами... С. 60.

¹¹ Военные действия российского флота против шведского... С. 220.

¹² Там же. С. 222.